

17-23. 07. 2000.

Крымов Дмитрий

СЮЖЕТ В РАЗБИТЫХ ОЧКАХ

Раньше у
наших стен
были
только уши.
Теперь
появились
и глаза

Всякая традиция однажды
была новаторством.

Вот так и с нами: в «Новой газете» впервые открыта выставка. Художник Дмитрий Крымов развесил в нашей ре-

дакции три дюжины своих работ, объединенных многообещающим названием: «Вариации на Тему».

— Это что же за Тема такая — с большой буквы? — спросил у меня перед открытием известный московский постмодернист Н.

— Библейская: от Адама до Положения во гроб.

— А что же тут нового? — искренне удивился постмодернист.

Смешные люди. Они считают, что Тема может быть новой, что художник, ну совсем как наш брат газетчик, должен охотиться за тем, о чем доселе не было известно.

Господа, вас обманули. В искусстве все как раз наоборот: полтора десятка мировых сюжетов сводятся к пяти-шести темам: жизнь, смерть, любовь, рождение, человек, Бог... Это и есть канон искусства. Постоянный и непре-

ложный, как законы физики. И дело художника — не визна темы, а лишь свой на нее взгляд. Если угодно — визна интонации и неожиданность пластики.

Если пластика и интонация возвращают теме ее первоизданность, значит, это искусство. Если этого нет — будем называть это постмодернизмом или концептуализмом.

Дмитрий Крымов к постмодернизму отношения не имеет. Он — старый добрый авангардист. Его евангельская серия (1990 г.) выполнена из бумаги и ниток. Белое на белом: словно бы это не ватман, а плащаница с проступившими на бумаге тенями великой трагедии. Тени, проступив, прорвали и прорезали бумагу, отлились в подобия не сразу узнаваемых фигур: вот ангел вешает Марии, вот Тайная вечеря, вот Распятие (фигура продавила лист, и потому бу-

мага пришта к самой себе), Снятие с креста...

Если концептуализм делается только головой, то авангард еще и — сердцем. Вторая крымская серия (2000 г.) — «Положение во гроб».

Представьте себе маньяка (или художника), который во всем видит только этот сюжет: в разбитых очках, положенных в очечник, в рыбе, лежащей на газете, в засохшей розе, легшей в совок, в окурке на жестяной коробочке карманной пепельницы.

Не сами по себе, но именно в контексте Сюжета эти вроде бы случайные вещи становятся объектами искусства. Становятся, даже не замечая, что рассказывают еще и о конкретном времени и о своих хозяевах. Облупившаяся краска на совке, бигуди, забытые в картонном ящике, кровавая помада на окур-

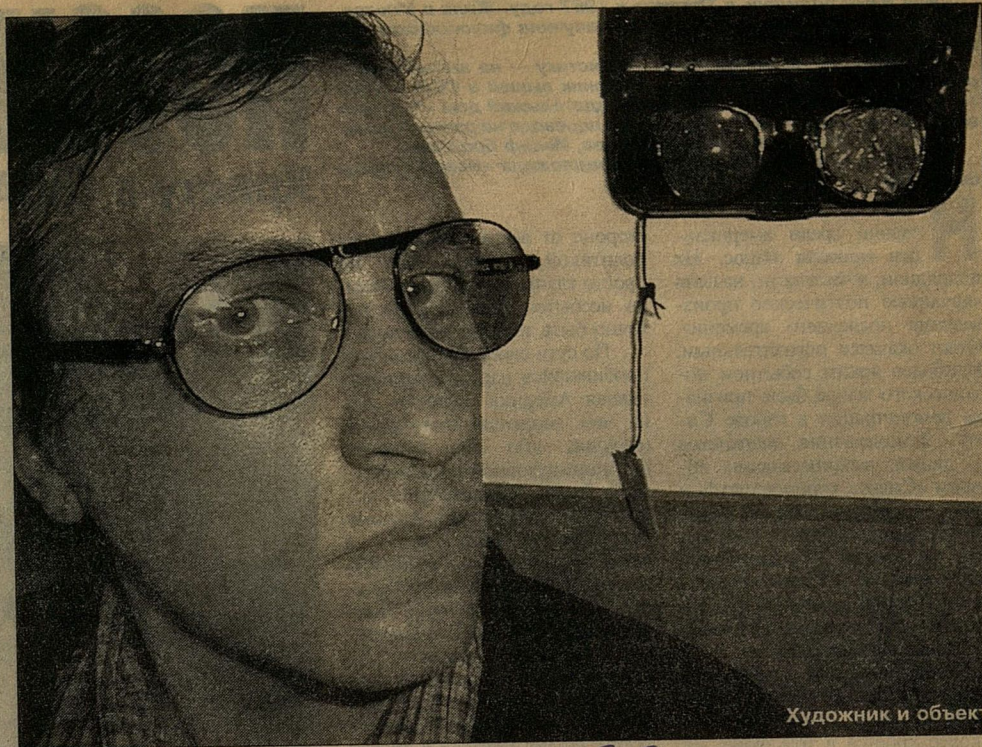
ке «житанины» без фильтра, целлофановый пакет, в который упаковано гусиное перо (видимо, вещдок прошедшего пушкинского юбилея?), заставляют зрителя самого шевелить мозгами, дописывая детектив увиденного и предлагая собственную версию имевшей место быть трагедии.

На постмодернистских выставках люди ходят с умным и серьезным видом. На выставке Дмитрия Крымова, всмотревшись в одну из работ (те самые бигуди), несентиментальная Эльвира Горюхина (психолог и журналист) вдруг заплакала.

— Что с вами, Эльвира Николаевна?

— Ничего. Просто я видела это в Абхазии, в сожженном селе.

● Андрей ЧЕРНОВ
Фото Пааты АРЧВАДЗЕ

Художник и объект

Д. Крымов. Из серии
«Положение во гроб»

Новая газ. - 2000. - 17-23 июля - с. 22